

С.А. Васильева, И.М. Эрлихсон

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ИСТОЧНИК ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII в.

Статья посвящена изучению влияния теологических доктрин английского протестантизма на ранний этап пенитенциарных реформ в Великобритании. Эпоха Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия и положила начало «эре карательной сдержанности». Авторы убеждены, что социально активные представители различных течений английского протестантизма экстраполировали свои религиозные воззрения на систему исполнения наказаний, в результате чего был заложен гуманистический фундамент пенитенциарных реформ как Великобритании, так и континентальной Европы.

Ключевые слова: Великобритания; XVIII в.; «Религиозное общество друзей»; пенитенциарная реформа; английский протестантизм.

Выдающийся американский социолог русского происхождения П. Сорокин, рассуждая о теологической природе средневекового государства и права, выявил ее фундаментальные основы: «Этика и право представляли собой только дальнейшую разработку абсолютных заповедей христианства. Политическая организация в ее духовной и светской сферах была преимущественно теократической и базировалась на Боге и религии» [1. С. 430]. Процессы секуляризации всех областей общественной жизни, политического и экономического устройства европейских стран, зародившиеся в XVII в., привели к началу XIX в. к обмирщению государственной власти и высвобождению права из-под влияния религии. Результатом стали появление прогрессивных кодексов и в целом смена парадигмы уголовного правосудия: от кары и возмездия к исправлению наказанием. Классическая история государства и права связывает секуляризацию правовых норм и разработку новых уголовных кодексов с активным проникновением идей Просвещения во все сферы общественной жизни, в том числе в область правосудия. В таком ракурсе революционные по сути процессы кардинальной трансформации средневекового, теологического в основе, правосудия рассматриваются как общеевропейская прогрессивная тенденция, без учета национального своеобразия этих изменений.

Между тем в современной исторической науке динамично развивается модель «новой интеллектуально-культурной истории», которая в первую очередь отдает предпочтение не столько истории идей, сколько взаимодействию между движением идей и их исторической «средой обитания» – теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. В данной статье авторы предприняли попытку реконструировать культурный и религиозный контекст реформ английского уголовного правосудия с целью выявления их специфики и идейных основ. Выдвигается гипотеза о доминирующем влиянии протестантских теологических доктрин на процесс становления системы исполнения наказаний в Англии, которая, в свою очередь, вносит коррективы в наличествующие концепции секулярного понимания общеевропейских пенитенциарных реформ.

В восемнадцатом столетии Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности. В этом кон-

тексте мы не ставим целью рассмотреть весьма разноплановый спектр причин подобного явления, ограничимся лишь упоминанием многочисленных серьезных исследований и оформленных научных теорий, варьирующих от марксистских концепций возникновения преступности как результата классового расслоения общества [2] до современных исследований по истории ментальностей [3]. Результатом поиска эффективного средства сдерживания и противодействия преступности стала кардинальная реформа уголовного правосудия, стартовавшая в конце XVIII столетия и растянувшаяся на весь последующий век, которая привела к «рождению тюрьмы» в современном ее понимании.

Бурный рост преступности в XVIII в. озаботил, если не сказать – ужаснул, современников. Английский филантроп, купец и путешественник Джонас Хэнвей в 1776 г. писал: «Какие леденящие душу кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!» Резюмируя ситуацию, Хэнвей заключает: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города» [4. С. 62–63]. Его современник, юрист, проповедник и общественный деятель, Мартин Мэдан с горечью констатировал, что имидж англичан на континенте так безнадежно скомпрометирован, что их называют «нацией разбойников», чему имеются серьезные основания, ведь «банды стали такими многочисленными, а лица, их составляющие, такими отчаянными, что ситуация не подвластна контролю со стороны властей» [5. С. 127–128]. Мэдан сравнивает современный ему Лондон по уровню криминаленности с Римом в «худшие его времена», описанные в сатирах Ювенала:

Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди, Грabitъ готовые в час, когда заперты двери и тихо...

Столько железа идет для оков, что, боишься, не хватит

*Плуги простые ковать, железные бороны, грабли.
Счастливы были, скажу, далекие пращурьы наши
В те времена, когда Рим, под властью царей, при
трибунах*

*Только одну лишь темницу имел и не требовал
больше [6].*

Английский просветитель, критик и эссеист Самюэль Джонсон сатирой «Тщета человеческих желаний», созданной в подражание римлянину, «отзеркалил» ситуацию на столицу Великобритании XVIII в. с учетом лондонских реалий и английской истории:

*Мой бедный друг, напрасно в тщетной вере
В полночный час ты запираешь двери
На три замка, они не содержат ярость
Того, кому претит намек на жалость,
Мелькнет кинжал и, захлебнувшись кровью,
Ты тяжело сползешь на изголовье.
Не хватит в целой Англии полей
Для тех, кто умер в Тайбернской петле,
А из заморской пеньки не сплести
Веревки, чтобы Англию спасти,
Опутав ими шеи или флот,
Величия Британии оплот.
В Альфредовы святые времена
Всего одна лишь жалкая тюрьма
Без суеты, без шума, без хлопот
В себя вместила б весь преступный сброд.
Блаженный век без фальши лживых фраз...
И наш явит разительный контраст! [5. Р. 90–91].*

Обращение к зарисовкам Дж. Хэнвея, М. Мэдана, С. Джонсона позволяют продемонстрировать позицию «интеллектуалов» – образованной части формирующегося гражданского общества, равнодушной к судьбе и имиджу страны. Уникальные свидетельства прогрессирующего роста преступности в Англии XVIII в. представлены внушительным корпусом исторических источников по материалам уголовно-исполнительного производства (показания истцов, свидетелей и ответчиков, вердикты присяжных, содержание обвинительных заключений и судебных казусов). Изучение знаменитых изданий «Тайнбернский календарь» и «Ньюгейтский календарь» [7], именуемых современниками не иначе как «Кровавый реестр негодяев» обеспечивает детальное понимание «социального фона» преступности. «Календари» изобилуют историями узников знаменитой Лондонской тюрьмы Ньюгейт и «властителей Тайнберна» – так называли висельников, приговоренных к смерти через повешение в местечке публичных казней деревне Тайнберн. Эта своего рода «Библия преступного мира», включающая печально знаменитые и малоизвестные преступные биографии, стала необыкновенно популярным бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Столетие спустя в английском периодическом издании «Журнал Фрэйзера для города и деревни» в 1834 г. появился очерк «По следам “Истории разбойников”», в котором неизвестный автор в рамках рецензии на книгу «Жизнь и деяния знаменитых английских разбойников, пиратов и грабителей» Чарльза Уайтхеда (1804–1862) предпринял попытку критического разбора материалов судебных заседаний

Олд Бейли и Ньюгейтского календаря. Сегуя на вопиющие социальные контрасты, которые щедро являла современная ему лондонская действительность, все же автор очерка с плохо скрываемой гордостью признавал прогресс, достигнутый XIX столетием в плане улучшения криминогенной обстановки в мегаполисе: «В каменных стенах зданий более не отдаются гулким эхом грохот выстрелов и душераздирающие стенания, по дорогам не льются реки крови, все реже тротуары украшает месиво из выбитых мозгов, а жестокие сцены насилия испарились как ночные призраки в ослепительном свете дня» [8. Р. 284].

Думается, нарисованные выше черты социально-культурного портрета эпохи позволят современному читателю получить представления о социальном фоне реформы уголовного правосудия, начавшейся в конце XVIII столетия. Над поиском выхода из катастрофичной ситуации трудились лучшие умы английского общества, генерируя отдельные предложения и готовые социальные проекты борьбы с преступностью и реформирования уголовного законодательства. Подобные процессы шли и в других европейских странах, что позволило в XIX в., объединив их собирательным понятием «пенитенциарные реформы», представить «рождение тюрьмы» как общеевропейское явление. помимо авторов статьи, подобное обобщение затеняет качественное своеобразие английских пенитенциарных реформ, о котором речь пойдет ниже.

Первое и, пожалуй, главное принципиальное отличие английской практики реформирования правоохранительной системы от аналогичных континентальных процессов подметил еще Дж.М. Тревельян, рассуждая о «знаменитых атаках» философов Европы и Англии на существующую систему закона и наказания. Историк связывал эти «атаки» на континенте с Вольтером и «философами», а в Англии – с «философией» и *религией* [9. С. 378]. В продолжение темы историк призывал воздержаться от популярного, но в корне ошибочного рассмотрения XVIII в. для Англии как «века нерелигиозного», убедительно доказывая, что религия, во всем многообразии ее форм, свойственных островной империи, на протяжении сменявшихся поколений оставалась «мощной силой в английской жизни» [Там же. С. 380]. В «антирелигиозности» английского Просвещения сомневается и американский историк К. Беккер, который рассуждал следующим образом: «Несомненно, восемнадцатый век – преимущественно век Разума, несомненно, Philosophes были скептически настроенной группой, атеистами на деле, если не по убеждению, приверженными науке и научному методу... Все это верно. Однако я думаю, что philosophes были ближе к Средневековью и менее свободными от предубеждений средневековой христианской мысли, чем полагали они сами и чем обычно считаем мы» [10. С. 272]. Выдающийся философ и культуролог, представитель Марбургской школы неокантианства Э. Кассирер в фундаментальном труде «Философия Просвещения» также отрицал радикальный концептуальный разрыв идей XVIII столетия со средневековыми доктринами и полагал, что просветители не столько генерировали

новые оригинальные концепции, сколько мастерски, фактически до неузнаваемости трансформировали наследие прошлого. Особенно явно эта идейная преемственность прослеживается на примере религиозных представлений Просвещения, к наиболее специфичным чертам которого, абсолютно ошибочно, по мнению Кассерера, относят критическое и скептическое отношение к христианству: «Сильнейшие идейные импульсы Просвещения и его подлинная духовная сила основываются не на отрицании веры, а на новом идеале верования, который Просвещение устанавливает, и на новой форме религии, которую оно в себе воплощает» [11. С. 156–157].

Приведенные выше рассуждения, в первую очередь, справедливы в отношении английского Просвещения, которое во многих идеях было пионерским, задавая тон и направление философам с континента. В мировоззрении англичан Нового времени Творец не являлся отвлеченным наблюдателем, а тесно был вовлечен в дела своего творения, особенно в те сферы, которые затрагивали мораль и нравственность. Ш.Л. Монтескье в первых строчках знаменитой работы «О духе законов» признавал: «...все, что существует, имеет свои законы: они есть и у Божества, и у мира материального...». Англичане воспринимали материальный мир как продолжение мира Божества, связанного с ним незримой Великой цепью, о которой рассуждал еще Фома Аквинский. В стихотворении английского поэта первой половины XVIII в. А. Поупа прочность всех звеньев этой незримой связи – залог существования «системы», отделенной тонкой гранью от хаоса:

*О, цепь существ! Бог – первое звено,
Над нами духи, ниже нас полно
Птиц, рыб, скотов и тех, кто мельче блох,
Тех, кто незрим; начало цепи – Бог,
Конец – ничто; нас к высшему влечет,
А низших к нам, вот правильный расчет.
Одну ступень творения разрушь –
И все падет, вплоть до бессмертных душ;
Хоть пятое, хоть сотое звено
Изъяв, ты цепь разрушишь все равно.
Ясна простая истина как день:
Необходима каждая ступень;
Когда повреждена одна из них,
Не устоять системе остальных.
Когда бы начала земля блуждать,
Себя бы не заставил хаос ждать [12].*

Правосудие как социальная система воспринималось, соответственно, как механизм поддержания «прочности» цепи, основанной на двусторонней связи (Завете) между Творцом и его творениями. Английский судья Мэтью Хэйл в 1662 г. в приговоре к повешению двух ведьм в графстве Суффолк констатировал: «Правительство – это воплощение Законов Божьих, как в видимом, так и в незримом мире» [13]. В этом предписании налицо смешение двух видов правосудия – земного и небесного, и трактовка уголовного закона как репликации небесной справедливости, воплощенной в этом законе ради вечной борьбы со злом. Библия приводит примеры восстаний против божественного мироустройства – падение Сатаны в

результате восстания против Божественных правил и падение первого человека Адама. Английский поэт Дж. Мильтон в бессмертном произведении «Потерянный рай» описывает низвержение Сатаны в земной мир, где он, окруженный приспешниками, начинает борьбу за души мужчин и женщин, а если мир становится ареной этой борьбы, то в него так или иначе вовлечены люди. Для средневекового церковного правосудия эти события были питательным источником для нравоучительных убеждений и устрашений: в проповедях времен королевы Елизаветы, которые неоднократно переиздавались после ее правления в XVIII в., ад преподносился прихожанам как тюрьма или темница для тех, кто восстал против божественного порядка: «...и будут восставшие и мятежники в вечном подобии ада в окружении бесов и извергов, ведомые Люцифером и Сатаной – властителем тьмы» [14]. Если грешники и восставшие против Бога на небесах караемы так строго, почему бы земному правосудию не соответствовать небесной модели?

Построение системы правосудия, сложившееся в Средневековье и «шагнувшее» в Англию Нового времени без радикальных изменений, в целом не противоречило принципу духовной иерархии, восходя к Творцу как к высшей ступени. Процедура коронации, сопровождавшаяся обрядом помазания, в глазах духовенства и восприятию через него со стороны простого народа сообщала через священный елей государю олицетворение божественного правосудия. Церемония подразумевала: власть вытекает непосредственно от Христа через посредство духовенства к королю и дарует ему «власть от Бога», о которой говорил апостол Павел в послании римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (К римлянам 13:1). Принятие короля как власть, исходящую от Бога как бессменного соверена, изначально было частью государственного порядка в Англии. Но, принимая эту власть, описанную Павлом, король получал и карающий «меч» как священное право отомстить «в наказание делающему злое» (К римлянам 13:4). Дальнейшая иерархия чинов правосудия по нисходящей была представлена судьями высшего суда. Главных судей было двенадцать, и уподобление их по числу и «функциям» двенадцати апостолам было неотъемлемой частью как юридической, так и проповеднической практики. М. Мэден в упоминаемом выше трактате «Размышления об исполнительном судопроизводстве относительно наших уголовных законов» пишет: «Мудрость нашей конституции заключается в том, что полнота исполнительной власти – в руках Короля, который делегирует ее другим магистратам, действующим от его лица; относительно уголовных законов главные из этих магистратов – двенадцать судей Англии... эти апостолы мудрости избираются из самых компетентных и знающих юристов... и дают торжественную клятву отправлять правосудие» [5. Р. 22–23]. Несмотря на нравоучительный характер трактата и новозаветную метафору, автор подчеркивает государственную (светскую!) природу правосудия, исходящего от судей. Веком раньше англиканский священник Э. Янг, сравнивая на этот раз

двенадцать присяжных с апостолами, убеждал свою паству, что земной суд выступает «прологом» и подготовкой к страшному суду, а принятие земного наказания может предотвратить (искупить) наказание в вечности. Модель земного суда, с судьей во главе и присяжными вокруг, он уподоблял небесной модели, когда Христос, окруженный ангелами, будет вершить свой суд [15]. Сравнение присяжных с апостолами подкрепляло веру в их непорочность и неподкупность.

В каждом из высших судов были представлены выездные (ассизные) судьи, которые дважды в год разъезжали по округам, не останавливаясь нигде больше чем на одну ночь (чтобы исключить подкуп, угрозу и т.п.), и вершили правосудие как по гражданским, так и по уголовным делам. Мэдэн в деталях описывает визит судей Королевской скамьи, «внушающий ужас виновным и гарантирующий защиту и безопасность невинным в каждом уголке королевства» [5. Р. 23]. Под звуки труб разъездные судьи, облаченные в мантии, и местные присяжные направляются в церковь, затем возвращаются в помещение суда, иногда украшенное цветами и душистыми травами, где торжественно оглашаются их полномочия. В самых торжественных выражениях судья рассуждает о природе преступления, о назначении законов и пытается донести до приговоренных мысль о необходимости достойно провести последние часы. При этом Мэдэн подчеркивает, что речь должна произвести впечатление не только на преступников, но и на всю аудиторию: «... на протяжении оставшейся жизни они будут избавлены от соблазна вступить на скользкую дорожку, поскольку узрят воочию, к чему она приводит... ужасные слова приговора прозвучали, преступников увели и толпа расходится по домам, унося на устах скорбную новость... неотвратимость наказания очевидна, и все графство ощущает долговременный эффект уголовного правосудия, а другие судьи, вдохновленные его примером, продолжают хранить и передавать справедливость и истину от поколения к поколению» [Ibid. Р. 30]. Нижняя ступень в судебной иерархии – мировые суды – также позиционировались как первая ступень лестницы, восходящей к правосудию Творца. Выступая в суде присяжных в Оксфорде, красноречивый проповедник Томас Биссе сравнил иерархию судов «со ступенями, восходящими к Соломонову трону (к королевской власти!), а через нее – к Богу: «...ибо нет служителя правосудия, который не был бы служителем Господа Бога» [16. Р. 9]. Исследователь Г. Мишлер, подробно описав английские судебные ритуалы середины XVIII в., сравнивал лестницу правосудия с «великой цепью власти» в святом деле поддержания общественного порядка: судебная власть, таким образом, вытекала не из воли монарха либо парламента, а была обусловлена иерархией судебных чинов, восходивших к монарху, чья власть, в свою очередь, определяющей особенностью

культурного контекста восприятия правосудия для англичан Нового времени была твердая убежденность в сопричастности Творца к земному правосудию и наказанию. Богословская риторика нашла гениальное оправдание правомерности вынесения смертного при-

говора. Поскольку, в соответствии с Писанием, ни один человек не имел власти ни над своей жизнью, ни над жизнью и смертью другого человека, вынесение смертного приговора могло бы рассматриваться как грех убийства. В проповеди, посвященной очередной годовщине восхождения королевы Анны на престол, епископ Экстерский Блэколл подчеркивал: только Всевышний имеет власть над жизнью и смертью, но Он дарует монарху, а через него всей системе правосудия «луч или часть Божественной власти». Таким образом, прямая связь системы правосудия с Божественной справедливостью как бы «освящала» право на вынесение приговора о наказании, в том числе смертного приговора, который в данном контексте рассматривается не как грех убийства, а как воплощение Божьей справедливости [18. Р. 9–11].

Закономерно, что львиная доля инициатив по борьбе с эскалацией преступности не просто отмечена влиянием религиозного мировоззрения англичан, а именно религия является непосредственным источником и средством пенитенциарного реформирования. Упомянутый выше Джонас Хэнвей в попытке «диагностировать» глубинные причины роста преступности, выдвигает предположение: «Не является ли ослабление или отрицание религии главной причиной того, на что мы жалуемся?» [4. С. 4]. По-своему согласен с ним и Мэдэн, горько сожалел о том, что процедура современного ему судебного процесса более не внушает священного трепета и не имеет ожидаемого дидактического эффекта. Критике проповедника подвергаются и судьи – «апостолы мудрости», которые вместо того, чтобы выносить вердикт, исходя из верности даваемой ими присяге, руководствуются соображениями личного характера, такими, например, как человеческое сочувствие, усталость, нежелание «брать на душу грех». Священник-кальвинист так строг в своих требованиях к священной процедуре отправления правосудия, что осуждает даже такие, на его взгляд, «пагубные для правосудия явления», как допрос преступников и свидетелей в послеобеденное время, когда большая часть присутствующих в суде людей «разморены тяжелой пищей и крепкими напитками: жара и алкогольные пары погружают достопочтенного судью в сонное оцепенение, из которого его выводят ударом локтя в бок... и от этой мелочи зависит судьба злосчастного осужденного!» [5. Р. 144]. По мнению Мэдэна, проблема современного ему разгула преступности сокрыта в уклонении судей (тех самых «апостолов», наделенных правом проводников Божественного возмездия) от неукоснительного следования законам как земным, так и небесным. Для Мэдэна-священника позиция судьи – еще и вызов Божественному «предопределению». Для кальвинистов понятие «предопределение» означало бескомпромиссное повеление судьбы как Божьей Воли во всех областях. Все, что Бог предопределил, христианин должен принять без стенаний и жалоб. Исходя из этой догмы, наказание, посланное земной властью, надобно «принимать терпеливо, как Высшее Наказание, ниспосланное за твое неповиновение». Близкие к взглядам Мэдэна единомышленники представляли условно консервативное крыло в назревавшей рефор-

ме уголовного правосудия: смертная казнь – необходимое приложение к уголовному закону, а «оправдательные приговоры привели на виселицу больше людей, чем спасли от нее» [5. Р. 122]. Ветхозаветная риторика, используемая сторонниками консервативной альтернативы пенитенциарной реформы, призывала «боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою» (Откровение 21:6–8). В такой ситуации наиболее ортодоксальные представители английского пуританизма заняли непримиримо жесткую позицию в отношении изменения системы наказания в сторону ее гуманизации, рассматривая это как нарушение догмы о предопределении вечного наказания. По мнению современного историка А. Кришера, именно эти протестантские догмы оставались серьезным препятствием к отмене смертной казни в Англии на протяжении долгого времени [19. Р. 99].

В таком контексте религия рассматривается не как источник реформизма, а как мощная сила противодействия социальным изменениям. Вследствие этого возникает потенциальная возможность искаженного умозаключения: если религия сопротивлялась прогрессивным изменениям, то любая состоявшаяся реформа, в нашем случае реформа уголовного правосудия, – результат секуляризации области реформирования и высвобождения от церковной догматики. В условиях английского общества XVIII в., напротив, альтернативные реформаторские проекты в области исполнения уголовного наказания предложили и впервые осуществили именно представители религиозных течений, которые видели в новом устройстве тюрьмы развитие своих взглядов на природу человека.

Теология XVIII в. вынуждена приспосабливаться к веяниям и нормам времени, как это произошло, например, в Германии, где ее выдающиеся деятели, такие как Х. Вольф, И.С. Землер, Г.С. Рейнмарус, И.И. Шпальдинг, трактовали некоторые кальвинистские догмы (в первую очередь идею первородного греха и предопределения) как «оскорбительное нарушение элементарных логических и этических законов», при этом не покидая и не преодолевая «почву догматики как таковой» [11. С. 173]. Со временем формирующаяся рационалистическая теология протестантов подвергла сомнению учение о «вечном наказании для грешников», характерное для суровой средневековой правовой традиции. «Разумность христианства», которую провозгласил сам Джон Локк, постепенно проникала во все сферы общественной жизни, в том числе в область правосудия. По замечанию Дж. Тревелияна, в XVIII в. «приверженцы нового пуританизма... старались применять милосердие Нового Завета, вместо грубых наставлений Ветхого, с которыми шли в битву войска Кромвеля» [9. С. 375]. Подобное смещение акцентов с божественной кары на божью милость детально исследовано британским историком Р. Макгоуэном в работе «Изменение лица Небесного правосудия», где автор приходит к следующему выводу: «В век науки и разума жестокое наказание кажется несовместимым с “разумностью” Бога... В опасении, что суровость и безысходность этого

постулата породит большое количество сомневающихся, государство и церковь предпочли сместиться с позиции воплощения божественного возмездия в сторону олицетворения божественной благосклонности» [20. С. 93]. В Англии же ортодоксальные догмы нашли своих противников как в лице философов, к примеру, Шефтсбери, презиравшего тех, «у кого нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой» [21. С. 315], так и в русле самого протестантизма, а именно в теологических представлениях «Религиозного общества друзей» – квакеров. В качестве альтернативы «вечному наказанию» для грешников квакеры предложили возможность спасения через покаяние и искупление.

Основу духовного учения квакеров составляет «опыт внутреннего света» – вера в то, что «частица Бога» существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Иоанн говорит об Иисусе: «В нем была жизнь и жизнь была светом человеков. И свет во тьме светит и тьма не объяла его» (1:4–5). «Этот свет просвещает всякого человека, приходящего в мир» (1:9). По убеждениям «друзей», Иисус, как Логос, связывает человечество с Богом и приносит в мир свет, который позволяет человечеству в целом и конкретному индивиду не погружаться во тьму и совершать поступки, потенциально свободные от греха. В таком контексте именно «внутренний свет» дает возможность даже самому закоренелому негодяю, как бы глубоко он не погряз в преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Исходя из теологии квакеров, смертная казнь, с точки зрения бессмертности души, – худшее, что может сделать человек с человеком, так как преждевременная смерть лишает его возможности искупления своего греха в этой жизни. Квакеры выступили активными аболиционистами института смертной казни, объединившись с такими парламентариями-реформаторами, как С. Ромилли и У. Иден, возглавившими борьбу против высшей меры под эгидой идеи утверждения фундаментальных прав человека. Сохраняя преступнику-грешнику жизнь, необходимо было создать условия для последующего покаяния и обращения, обеспечить возможность «открыть в себе внутренний свет». Именно квакеры предложили понятие «пенитенциарий» – Дом покаяния (Penitentiary House), который превратился в нарицательное обозначение новой парадигмы уголовного правосудия и современной тюрьмы. В соответствии с убежденностью сторонников пенитенциария в догмате «через покаяние обретается прощение», только коренное перевоспитание может открыть заблудшему в пороке преступнику приемлемые стандарты поведения в цивилизованном обществе. Исходя из этого, искупление требует глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного в условиях реформированного тюремного заключения. Итогом этого идеологического этапа борьбы за реформу уголовного правосудия стал постепенный переход от эшафота как сдерживающего фактора преступности к пенитенциарной системе, главной целью которой стала задача исправления и реабилитации правонарушителя.

Не следует, однако, считать подобные взгляды монополией «Религиозного общества друзей». К «новозаветным» аргументам и христианской риторике прибегал главный вдохновитель английской пенитенциарной реформы Джон Говард. Путем призыва к христианской добродетели, апеллируя к примеру всепрощающего отношения Христа к грешникам, Его любви и Его готовности простить их и принять, Говард пытался переломить сложившееся в обществе презрительно-пренебрежительное отношение к преступникам как к «отбросам общества» без шанса влиться в изгнавшую их социальную среду. Если шанс вернуться к Господу, а значит, и праведной жизни есть у каждого, то общество просто обязано принять их обратно, как отец из притчи о блудном сыне. Примыкающей по своей идейной направленности к концепции квакерского пенитенциарного «обращения» был проект Дж. Хэнвея, который Р. Макгоуэн назвал примером либерального реформаторства с главной целью «заменить террор на возможность искупления и покаяния» [20. Р. 92]. Рассматривая падение религии и нравов как причину криминализации общества, Хэнвей видит выход в ее «исцеляющих возможностях» и предлагает модель одиночного тюремного заключения. Современные филантропу методы борьбы с преступностью, сводившиеся к широкому применению смертной казни и практике высылки преступников в заокеанские колонии, по его мнению, не только не решают обозначенную проблему, но и способствуют дальнейшему развращению нации. В предложенном проекте одиночного заключения преступника следовало подвергнуть длительной изоляции от общества в одиночную камеру, которая виделась реформатору как «промежуточное пространство между двумя мирами» (земным и небесным). В этой «репрезентации чистилища» преступник (с точки зрения государства и общества) и грешник (по христианским догмам) получал шанс на искупление и перед лицом Творца и в глазах общества, которому нанес вред. Побывав в земном чистилище, сопровождаемый Библией и словом тюремного проповедника, грешник / преступник мог вернуться к честной жизни, избежав «вечного наказания», в «пучину» которого, его – необращенного и не раскаявшегося грешника – могла ввергнуть немедленная смертная казнь. Французский социальный философ, автор серьезного криминологического и исторического исследования «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко считает, что именно Хэнвей задал базовую схему будущей европейской тюрьмы: как «пространства между двумя мирами, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина» [22. С. 180].

Сторонники М. Фуко и «теории социального контроля», несомненно, оспорили бы попытки причислить пенитенциарных реформаторов из ряда Дж. Говарда и Дж. Хэнвея к либеральным реформаторам, а концепцию квакеров – к риторике милосердия и всепрощения. Так, последователь «ревизионизма» Р. Ку-

пер охарактеризовал Говарда как «узколобого, нетерпимого, эгоцентричного, деструктивного и, возможно, умалишенного фанатика», который «провалил» движение за тюремную реформу [23. С. 75], а исследователь Р. Морган убежденно доказывал, что усилия Говарда в отношении узников «породили большую жестокость, страдания и порок, нежели то, что он пытался своими действиями предотвратить» [24. С. 391]. Оценивая риторiku евангелистов и квакеров, призывавших преступников к «ежеминутной и постоянной духовной работе над собой, в стремлении подавить свои злые наклонности и очистить свою собственную жизнь» в условиях стен пенитенциария, исследователь Б. Хилтон отметил, что, выставив Божественную благодать как приманку, пуритане подгоняли к ней «палкой духовного террора» [25. С. 98]. Десятилетия спустя в рамках общеевропейского пенитенциарного реформирования квакерская концепция глубокого религиозного реформирования в условиях предельно аскетичного тюремного заключения действительно будет занимать наиболее консервативную позицию в идущей модернизации системы уголовных наказаний, но в рассматриваемый период именно эта доктрина стала первым гуманистически направленным идеолого-теологическим обоснованием нравственной стороны пенитенциарного исправления.

Таким образом, рассматривая влияние пуританских доктрин на генезис реформ уголовного правосудия в Англии, мы можем говорить об определяющем влиянии религии, но только на начальном ее этап реформ – во второй половине XVIII – начале XIX вв. Теологические дискуссии ранних религиозных реформаторов о методах борьбы с эскалацией преступности, возможностях покаяния, искупления и исправления преступника / грешника привели к появлению первых исправительных пенитенциарных моделей. Именно в идеологических установках квакеров исправительная идея наказания впервые приобрела практическую направленность. Консервативные противники реформ также оперировали богословской риторикой в призывах к жесткому следованию законам правосудия земного и Небесного. В XIX столетии в рядах пенитенциарных реформаторов оставалось все меньше религиозных деятелей, на место которых приходили политики, общественные деятели, врачи и филантропы. Впоследствии тюремное реформирование становится сугубо государственной прерогативой, теологические дискуссии постепенно переходят в плоскость политических дебатов, а аргументы нравственного исправления превращаются в государственные и политические программы. Именно с этого момента начинается детальное изучение общеевропейских пенитенциарных реформ в контексте гуманистического (секулярного) подхода к исполнению наказания. В данной статье мы попытались актуализировать религиозный аспект в истории ранних английских пенитенциарных реформ, заполнив возникший в отечественной научной литературе небольшой пробел в изучении генезиса пенитенциарных институтов и практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 429–431.
2. Melosy D., Pavarini M. The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. London, 1981.
3. Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000.
4. Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.
5. Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L. : Printed for J. Dodsley in Pall-Mall. M.D.CC.
6. Ювенал. Сатиры // Хрестоматия по античной литературе : в 2 т. / пер. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. М. : Просвещение, 1965. Т. 2. URL: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/uvenal1_1.txt
7. The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / ed. by A. Knapp, W. Baldwin. L., 1824–1825. Vol. 1–5.
8. Hints for a History of Highwaymen // Fraser's magazine for town and country. Vol. IX: January to June / James Fraser. L., 1834.
9. Треvelyан Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы виктории. Смоленск : Русич, 2002.
10. Капустин Б.Г. Критика политической философии. Избранные эссе. М. : Территория будущего, 2010.
11. Кассирер Э. Философия Просвещения. М. : РОССПЭН, 2004.
12. Поуп А. Опыт о человеке // Поэмы / пер. В. Микушевича М. : Художественная литература, 1988. URL: http://lib.ru/POEZIQ/POUP/pope_opyt.txt_with-big-pictures.html
13. Hale (Sir Matthew). A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him. L., 1693. URL: <http://tei.it.ox.ac.uk/tcp/Texts-HTML/free/A43/A43992.html>
14. An Homily against Disobedience and Willful Rebellion // Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts. L. : Printed for George Wells, Abel Swall and George Pawlett, 1687. URL: https://archive.org/stream/homilyagainstdis00chur/homilyagainstdis00chur_djvu.txt
15. Young E. Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton : the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, &c. L., 1695. URL: <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67833.0001/1:5?rgn=div1;view=fulltext>
16. Bisse T. Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711 / By the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer. Oxford, 1711.
17. Mischler G. English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the «divine right of governors» and the ideology of order // British Journal for Eighteenth-Century Studies. 2001. Vol. 24, is. 1. P. 33–61. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x/full>
18. Blackall O. The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne. L., 1709.
19. Krischer A. The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment // Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches. Washington ; Baltimore, 2012. P. 85–99.
20. McGowen R. The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England // Criminal Justice History. 1988. № 9. P. 63–98.
21. Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975.
22. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
23. Cooper R.A. Ideas and their execution: English prison reform // Journal of eighteenth-century studies. Fall, 1976. № 10.
24. Morgan R. Divine philanthropy. John Howard reconsidered // The Journal of the Historical Association. October 1977. Vol. 62, № 206.
25. Hilton B. The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865. Oxford : Clarendon-Oxford University Press, 1988.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2017 г.

CHRISTIAN IDEOLOGY AS A SOURCE OF TRANSFORMATION OF THE PENAL SYSTEM IN BRITAIN IN THE EIGHTEENTH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 74–81.

DOI: 10.17223/15617793/426/8

Svetlana A. Vasileva, Academy of FSIN of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

Irina M. Erlihson, Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: i.erlihson@rsu.edu.ru

Keywords: UK; 18th century; Religious Society of Friends; penal reform; English Protestantism.

The article analyses the problem of reconsidering penalties in the theological doctrines of English Protestantism in the early phase of the penal reform in Great Britain. The period of the Enlightenment led to radical changes in the system of criminal justice. This time is considered to be the origin of the “era of punitive restraint”: gradual legislative restriction of sanctions in the form of the death penalty led to qualitative changes in the entire system of criminal penalties in general. The increasing crime rate, which plagued the eighteenth-century England, was often referred to by the penal reformers and gave rise to an abundance of religious projects of imprisonment. The authors are convinced that socially active adepts of various sects of English Protestantism extrapolated their religious views on the system of penalties execution; this laid the humanist foundation of the prison reform in Great Britain and in the continental Europe. English Protestants proposed to consider punishment as a method of rehabilitation of the convict in solitary confinement. Religious principles of the Quakers (the Religious Society of Friends) were expressed in the model of a penitentiary house. According to their theology, the prison became the place and environment where the prisoner was able to establish an incredible connection with the Lord, repent and get atonement. The outcome of this theology was the hope that God would allow the prisoner to break out of prison as a “reborn person”. In turn, Calvinist Protestants resisted the attempts of humanization of the system of penalties execution, considering them as a challenge to predestination. The authors underline that the majority of the conservative wing of the religious penal reformers strongly doubted the feasibility of repentance and relied on God's commandments and the Bloody Code of the 18th century to restrain crime. It is suggested that the Christian worldview of the British influenced the early penitentiary reforms in Great Britain in the eighteenth century more than the secular ideology of the Enlightenment. The methodolog-

ical basis of analyzing the sources of the eighteenth century was the principles of the “new social and cultural history”. It allowed to rethink the genesis of English penitentiary reforms in a specific historical socio-cultural context.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. (1992) *Krizis nashego vremeni* [The crisis of our time]. In: Sogomonov, A.Yu. (ed.) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
2. Melosy, D. & Pavarini, M. (1981) *The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System*. London: MacMillan.
3. Gaskill, M. (2000) *Crime and Mentalities in Early Modern England*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CCOL0521572754>
4. Hanway, J. (1776) *Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention*. London: Printed for J. Bew.
5. Madan, M. (1799) *Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits*. London: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall. M.D.CC.
6. Juvenal. (1965) *Satire* [Satire]. In: *Khrestomatiya po antichnoy literature: v 2 t.* [Reader in Ancient Literature: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from Latin by N.F. Deratani, N.A. Timofeev. Moscow: Prosveshchenie. [Online] Available from: http://lib.ru/POEEAST/UVENAL/juvenal1_1.txt.
7. Knapp, A. & Baldwin, W. (eds) (1824–1825) *The Newgate Calendar. Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers*. Vols 1–5. London: J. Robins & Co.
8. Fraser, J. (1834) Hints for a History of Highwaymen. *Fraser's magazine for town and country*. IX: January to June.
9. Trevelyan, G.M. (2000) *Sotsial'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy viktorii* [The social history of England from Chaucer to Queen Victoria]. Translated from English. Smolensk: Rusich.
10. Kapustin, B.G. (2010) *Kritika politicheskoy filosofii. Izbrannyye esse* [Criticism of political philosophy. Selected essays]. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Cassirer, E. (2004) *Filosofiya Prosveshcheniya* [The philosophy of the Enlightenment.]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
12. Pope, A. (1988) *Opyt o cheloveke* [The experience of man]. In: *Poemy* [Poems]. Translated from English by V. Mikushevich Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://lib.ru/POEZIQ/POUP/pope_optyt.txt_with-big-pictures.html.
13. Hale (Sir Matthew). (1693) *A collection of modern relations of matter of fact, concerning witches & witchcraft upon the persons of people. To which is prefixed a meditation concerning the mercy of God, in preserving us from the malice and power of evil angels. Written by the late Lord chief Justice Hale, upon occasion of a trial of several witches before him*. [Online] Available from: <http://tei.it.ox.ac.uk/tcp/Texts-HTML/free/A43/A43992.html>.
14. Anon. (1687) *A Homily against Disobedience and Willful Rebellion*. In: *Certain sermons or homilies appointed to be read in churches in the time of Queen Elizabeth of famous memory and now reprinted for the use of private families, in two parts*. London: Printed for George Wells, Abel Swall and George Pawlett. [Online] Available from: https://archive.org/stream/homilyagainstdis00chur/homilyagainstdis00chur_djvu.txt.
15. Young, E. (1695) *Two assize sermons preached at Winchester the first Feb. 26, 1694, James Hunt of Popham, Esq. being sheriff of the county of Southampton: the second July 14, 1686, Charles Wither of Hall, Esq. being sheriff, & c.* [Online] Available from: <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A67833.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext>.
16. Bisse, T. (1711) *Jehoshaphat's charge. A sermon preached at the assizes held at Oxford, July 12, 1711, by the Right Honourable Mr. Justice Powell and Mr. Baron Dormer*. Oxford: [s.n.].
17. Mischler, G. (2001) English political sermons 1714–1742: a case study in the theory of the “divine right of governors” and the ideology of order. *British Journal for Eighteenth-Century Studies*. 24:1. pp. 33–61. [Online] Available from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x/full>. DOI: 10.1111/j.1754-0208.2001.tb00429.x
18. Blackall, O. (1709) *The divine institution of magistracy, and the gracious design of its institution: A sermon preached before the Queen, at St. James s, on Tuesday, March 8, 1708. Being the anniversary of her Majesty's happy accession to the throne*. London: [Rogers].
19. Krischer, A. (2012) *The Religious Discourse on Criminal Law in England, 1600–1800: From a Theology of Trial to a Theology of Punishment*. In: Depkat, V. & Martschukat, J. (eds) *Religion and Politics in Europe and the United States: Transnational Historical Approaches*. Washington, D.C.: Wilson Center Press; Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
20. McGowen, R. (1988) *The Changing Face of God's Justice: The Debate over Divine and Human Punishment in Eighteenth-Century England*. *Criminal Justice History*. 9. pp. 63–98.
21. Shaftesbury. (1975) *Sensus communis* [Sensus communis]. In: *Esteticheskie opyty* [Aesthetic experiments]. Moscow: Iskusstvo.
22. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [To supervise and to punish. Birth of the prison]. Translated from French Moscow: Ad Marginem.
23. Cooper, R.A. (1976) Ideas and their execution: English prison reform. *Journal of Eighteenth-Century Studies*. Fall. 10.
24. Morgan, R. (1977) Divine philanthropy. John Howard reconsidered. *The Journal of the Historical Association*. October. 62:206.
25. Hilton, B. (1988) *The Age of Atonement: The Influence of Evangelicalism on Social and Economic Thought, 1795–1865*. Oxford: Clarendon-Oxford University Press.

Received: 12 September 2017